

Нодар Думбадзе

Я вижу солнце (фрагмент)

ТЕТЯ

Кедровка на сухой ветке шпанской вишни пела так самозабвенно, с таким упоением, что тетя прервала работу, вынесла во двор треногий стульчик, уселась под деревом и обратилась в слух. Я прилег тут же на траве и закрыл глаза. Кедровка пела не переводя дыхания. Я стал было молча, про себя повторять нехитрый мотив птичьего напева, но мне не хватило воздуха. А кедровка продолжала свистеть, временами поглядывая искоса на катившееся к закату солнце. Огромное, красное, похожее на медное блюдо, светило медленно опускалось к горизонту, и разбросанные в долине Супсы деревни под его лучами алели, словно охваченные пламенем.

– Кето! – раздался крик у ворот. Кедровка умолкла.

– Сосо!.. Сосойя! – повторил тот же голос.

– Кто там? Входите! – ответил я недовольно и встал. Во двор вошел бригадир нашего колхоза Датико.

– Здравствуйте! – приветствовал он нас.

– Здравствуйте! – ответила тетя. – Заходи!

Тетя направилась к кухне, Датико последовал за ней, и я снова прилег и взглянул на дерево, где только что сидела кедровка. Но ее и след простыл.

Я встал и пошел на кухню. Бригадир, горячо о чем-то толковавший с тетей, при моем появлении умолк. А тетя так и осталась сидеть – обхватив руками колени и уставившись в затухающий в камине огонь.

Бригадир достал из кармана кисет, свернул сигарку, прикурил от тлеющей головешки. В кухне запахло горьким, вонючим табаком.

– Сосойя, будь другом, дай напиток! – попросил меня бригадир.

Я взял кувшинчик с водой.

– Да нет, принеси-ка свеженькой!

Я вышел во двор.

Когда я вернулся, Датико опять о чем-то говорил тете и опять вдруг замолчал.

Я налил воду в стакан, подал бригадиру. Он нехотя выпил.

– Налить еще?

– Нет, спасибо.

– Чего там! Налью еще... Тетя улыбнулась.

– Нет, нет, достаточно! – Датико помолчал, потом вдруг обратился ко мне: – Сосойя, посмотри, на кого это там собака лает?

– А пусть себе лает... Если гость, позовет.

Датико помялся. Потом решил:

– Слушай, Сосойя, будь человеком, выйди на минутку, дай поговорить с Кето!

– А я мешаю? Говори при мне! – ответил я и уселся так прочно, что сдвинуть меня с места смогли бы разве только вместе со стулом.

– И это ты называешь уважением младшего к старшему, хозяина – к гостю?! – Бригадир взглянул на меня так, что я понял: не будь здесь тети, он с удовольствием оборвал бы мне уши.

– Какой ты гость? Торчишь здесь каждый божий день!

– Замолчи, Сосойя! – прикрикнула на меня тетя.

– На то я и бригадир, чтобы навещать всех членов своей бригады, – объяснил Датико.

– Вот и прекрасно! Навестил нас, теперь ступай к другим.

– Чего это он грызет меня, Кето! – обратился Датико к тете.

– Говори, Датико, что у тебя за дело?

– А вот что: завтра после полудня наша бригада едет в Мерия... Будем кукурузу мотыжить... Может, отпустишь парня? Как-никак помощник... Понял теперь, почему я пришел? – обернулся бригадир ко мне.

– Понял! – огрызнулся я.

Тетя опять улыбнулась. Потом она встала, подошла к камину, сбросила с кеци жестяной лист, покрытый слоем горячих углей, проверила, испеклось ли мчади, завернула его в полотенце и положила на стол. Затем достала из бочонка головку сыра покрупнее, отжала ее и положила на мчади.

Поняв, что тетя готовит мне завтрак в дорогу, Датико улыбнулся.

– Договорились, значит?

– Договорились, – ответила тетья, – а теперь... извини, Датико, дела у меня...

Датико направился к двери. Переступив порог, он обернулся и сказал:

– В полдень соберемся у почты. Придешь туда, Сосойя, ладно? И перестань, ради бога, дуться на меня! Что нам с тобой делить, а? Ну как, помирились?

Я кивнул.

– А трудовень ему я выпишу полный, как всем, – сказал Датико тете.

– Как знаешь.

Бригадир ушел.

Я вышел во двор, взял прислоненную к мушмуле мотыгу, отнес ее к ручейку и опустил обухом в воду. Тетья вынесла из кухни лампу, прикрыла дверь, продела в петлю запора палочку, и мы поднялись ночевать в оду.

Моя тетья – учительница грузинского языка. Она самая образованная и красивая женщина в нашем селе. Зовут ее Кетеван, Кето, и она, как две капли воды, похожа на мать божью Марию, изображенную на нашей иконе (икона эта давно уже хранится в нашем старом сундуке). И поэтому, наверно, никто до сих пор не осмелился признаться тете в любви. Так и ходит она в незамужних девках. Я очень люблю свою тетью и боюсь, чтобы она не вышла замуж. Тетья, видимо, догадывается об этом и потому не спешит с замужеством. Иначе за чем же дело стало?

Я лежу навзничь в своей кровати, и сна ни в одном глазу.

– Тетья, – зову я шепотом.

– Ну?

– Спишь?

– Чего тебе?

– Отчего это Датико-бригадир заладил каждый день ходить к нам?

– А я почему знаю!

– Пусть не ходит!

– Гнать человека из дому, что ли?

– Не знаю... Пусть не ходит... Сидит командует: воду ему принеси, узнай, почему собака лает, пойдй туда, пойдй сюда... Знаю я, что ему нужно!

– Тетья молчит.

– Тетя, сколько тебе лет?

– Да спи ты, чертенок!

– Скажи!

– Ну тридцать пять.

– А почему ты не выходишь замуж?

Тетя не отвечает. Я слышу ее ровное дыхание и жду. Но проходит минута, другая, а она все молчит.

– А, тетя?

– Спи, Сосойя, завтра тебе на работу!

– Почему ты не выходишь замуж?

– Вот пристал! Да не берет меня никто! Не нравится твоя тетя никому!

– Врешь! Ты всем нравишься, и Датику любит тебя!

– А он не нравится тебе. Так?

– Так!

– Ну и отлично. А теперь засни!

Я засыпаю. Я вижу сон: перед нашей сельской церковкой в белом подвенечном платье стоит тетя – стройная, красивая, как божья мать. У ее ног – на коленях – все мужчины нашего села. Я тоже подхожу к ней, опускаюсь на колени и прошу, умоляю ее не выходить замуж. И тетя соглашается. Она снимает подвенечное платье, обнимает меня, и мы идем домой.

Утром до полудня я занимался дома по хозяйству. Потом уложил завтрак в школьную сумку, сбежал к ручейку, взял мотыгу, продел ее черенок сквозь ручку сумки и помчался к почте.

Вся наша бригада уже была в сборе. Задрав головы, люди слушали радио. Висевший на столбе старый, изодранный репродуктор дрожал и хрипел. Как только я подошел к столбу, репродуктор умолк.

– Здравствуйте, земляки! – приветствовал я собравшихся. Никто мне не ответил.

– Здравствуйте, люди! – повторил я. Снова молчание.

– Дядя Герасим! – встряхнул я соседа. – В чем дело?

Герасим посмотрел на меня отсутствующим взглядом, присел на ступеньки лестницы, скрутил сигарку и, не произнеся ни слова, закурил.

– Дядя Асало, что случилось? – бросился я к другому соседу. – Что здесь происходит?

Асало оглядел меня с ног до головы, потом отвернулся и тихо сказал:

– Война, Сосойя, война!

– Какая война, дядя Асало?

– Обыкновенная: драка, убийство, кровопролитие... Понял?

– С кем?

Асало махнул рукой.

– С кем? – повторил я и огляделся. Люди вокруг меня стояли притихшие, испуганные, бледные.

– С Германией! – ответил наконец кто-то.

– С какой Германией?

– О господи! – вздохнул Асало. – С зеленой!

Я понял, что случилось нечто страшное, пришла великая, небывалая, необычная беда. Столько испуганных, онемевших людей я никогда еще не видел. И я испугался. Меня обуял страх, какой находит на мальчишку, которого в полночь заманили на кладбище и оставили там одного. Я подсел к дяде Герасиму и положил руку ему на колено. Герасим удивленно взглянул на меня, потом погладил по голове и сказал:

– Иди, сынок, домой и не бойся! Я встал и поплелся.

Сумку и мотыгу забыл!

Я вернулся, забрал свои манатки и пошел домой. Солнце уже стояло высоко над Толебскими горами, когда я миновал мост через Супсу и свернул на тропинку.

– Сосойе Мамаладзе – мой привет!

Я поднял голову. Передо мной стоял Лука Поцхишвили с огромной корзиной за спиной. Пот лил с него ручьями.

– Будь другом, Сосойя, помоги-ка снять корзину!

Я помог. Лука, кряхтя, сел, уперся спиной в корзину, рукой показал мне место рядом с собой и начал:

– Яблоки вот несусь на базар. Знаешь ведь мою яблоню? Ну да, у свинарника... А свинью мою видел? Супоросая... И корова стельная... Ты погляди-ка на яблоки... Вынь, посмотри. Только не ешь! Этих – не ешь, они для базара, а завтра приходи ко мне и нарви сколько душе угодно... Табачок у тебя найдется? Вот спасибо!.. Хороший сегодня день. Мне бы с утра да в поле! Но что поделаешь! Деньги-то тоже нужны. Дай-ка бумажку... Вот спасибо!.. Спросить нашего бригадира, так... Спички есть? Вот спасибо!.. Ему-то что? Ни жены, ни детей! Мальчика, говорит,

пришли с утра. Вот еще! Мальчик в этом году в институт поступает, а я его пошлю поле мотыжить? Как же! Только и думаю! Прав я? Что ты молчишь, дурень? Скажи хоть слово!

– Война, дядя Лука!

– Что? Какая война?

– Германия напала!

– На кого?

– На нас.

– На кого – на нас?

– На нас, на Советский Союз.

– Когда?

– Сегодня!

Лука вдруг побледнел, поперхнулся дымом и зашелся от кашля. Он схватил меня за руку и сжал ее так, что пальцы у меня посинели. Отдышавшись, он с трудом выговорил:

– Кто это сказал?

– Радио...

– Не может быть!

– Радио сказало...

– Ты шутишь! Шутишь ведь, а? – В голосе Луки прозвучала мольба.

– Да нет, дядя Лука... Передали по радио...

Лука не ответил. Он долго сидел, уставившись в землю, потом поднялся, словно побитый, взвалил на спину корзину и пошел. Отойдя несколько шагов, он остановился, обернулся и собрался было что-то сказать, но передумал. Так он стоял и смотрел на меня.

– Что, дядя Лука?

Лука махнул рукой и, так и не вымолвив ни слова, побрел домой.

... Тетя одной рукой месила в корыте кукурузное тесто, другой подливала горячую воду из кувшинчика. Дверь в кухню была открыта, и я вошел, не замеченный тетей.

– Тетя, сегодня утром Германия напала на нас! Тетя в недоумении взглянула на меня.

– По радио объявили, что Германия начала войну с нами! У тети задрожали руки. Она не сводила глаз с меня, вода из кувшинчика лилась в корыто, потом густая белая жижа стала переливаться через край корыта и стекать к ногам тети. Я остолбенело глядел на ее дрожащие руки.

– Ты понимаешь, что говоришь? – до меня голос тети откуда-то издалека.

Я отрицательно покачал головой. Я не понимал, что говорил, но чувствовал, что случилось нечто страшное, что в наш дом пришла великая, небывалая, необычная беда.

ОТЛИВ

Во дворе районного клуба полно народу. Люди смеются, поют, плачут, о чем-то просят, что-то обещают друг другу, обнимаются, целуются, вновь возвращаются к уже сказанному, договариваются, еще раз обнимаются, и так без конца.

На траве под ветвистой шелковицей сидит дядя Герасим. Он курит и не сводит глаз со своего сына, который с громкими возгласами «Гоп-па! Гоп-па!» подбрасывает в воздух и ловит маленькую дочь. Девчурка смешно дрыгает ножками, визжит и хохочет. Здесь же стоит невестка Герасима, чернобровая Машико. Она кусает губы и украдкой смахивает слезы.

Асало Гудавадзе пристроился на лестнице клуба. Рядом с ним сын, у ног парня – молодая женщина. Она уткнулась лицом в колени мужа и не переставая плачет.

– Ты ее к родителям не отпускай, батя! – наставляет парень Асало и нежно гладит жену по голове.

– Никуда я ее не отпущу, сынок! – обещает Асало.

– Слышь, Маргарита, не оставляй папу! Жалко старика! Женщина плачет.

– Я скоро вернусь, отец!

– Конечно, сынок!

– Ну, хватит, перестань! Не я один иду в армию! Маргарита плачет громче. Парень обнимает, ласкает жену.

– А ты, сынок, не очень-то... того... Не погуби себя по глупости, будь осторожен! – просит сына Асало.

– Не бойся, батя! Вот те крест: привезу тебе голову Гитлера! – улыбается парень.

– Брось ее свиньям! Сохрани-ка лучше собственную! Женщина плачет.

– Так ты присмотри за ней, батя, ладно? – просит сын.

– Да ты что! Одурел? – отец. – Батя! – мнетя сын.

– Говори, сынок!

– Месяц-другой еще ничего... А потом... Не посылай ее за водой и дровами... И на мельницу...

Асало кивает головой.

– Сама не скажет, знаешь ведь ее характер. Не позволяй ей таскать тяжести...

Асало понимающе улыбается:

– Да ладно... Что я, маленький?

Лука свертывает и никак не может свернуть сигарку. Руки у него дрожат, бумага рвется, табак рассыпается. Я беру из его рук кисет, кручу самокрутку, протягиваю. Лука глазами благодарит меня и жадно затягивается. Теперь у него дрожат губы.

– Сосойя, как мне быть с моим Кукури, а? – спрашивает меня Лука.

Что ему ответить? Кукури стоит, окруженный подвыпившими сверстниками, и рассказывает им что-то смешное. Ребята ржут.

– Обреют их всех! – сокрушается Лука.

– Подумаешь! Нам в классе тоже велят стричь головы наголо! – успокаиваю я его.

– Герасиму что? У него вон какая крепенькая внучка на руках. А у меня кто? Кто остается у меня?

– Кукури скоро вернется, дядя Лука!

– Эх, Сосойя, дорогой мой, все не вернуться...

– Все вернуться! – говорю я, потому что уверен: так оно и будет. Я еще не знаю случая, чтобы не вернулся человек, призванный в армию.

Я направляюсь к группе молодых. Они обступают меня, улыбаются, обнимают, целуют. И я тоже улыбаюсь и целую их.

– Уходишь, Анзор?

– Ухожу, Сосойя!

– Вернешься?

На груди у Анзора плачет его невеста Маквала. Она повторяет мой вопрос:

– Скажи, Анзор, ведь вернешься?

– А как же!

– А ты, Никуша?

– И я вернусь, Сосойя! А ты не поедешь с нами?

– Кому он нужен! – смеется Абибо.

– Не моя же вина! – оправдываюсь я.

– Гляди, Сосойя, сколько здесь девок! Оставляем этих коз на твое попечение! Побереги их, как бы шакалы не съели! – смеется Джумбер.

– Все шакалы, сколько вас тут, едут в армию, кто же их съест? – отвечаю я.

Девушки смеются. Я иду дальше.

– Кого ты провожаешь, Сосойя? – спрашивает Тамаз.

– А ты разве не едешь?

– Еду, конечно!

– Вот тебя и провожаю!

Тамаз обнимает меня, целует и спрашивает шепотом:

– А кого провожает твоя тетушка Кето?

Тетя и Датико-бригадир стоят у ограды. Датико что-то говорит тете, которая внимательно слушает его. Я смотрю на них. Датико бледен. Он берет тетю за руку, и тетя не пытается отстранить его. Так стоят они, почти касаясь друг друга, и тетя, как никогда, напоминает мне изображенную на старой иконе богоматерь. Но теперь я не боюсь, что она выйдет замуж, что кто-то посторонний отнимет ее у меня. И потому я не подхожу к ней. Тетя чувствует мой взгляд, оглядывается. Оглядывается и Датико.

– Сосойя, иди сюда! – зовет он.

Я подхожу и становлюсь рядом с тетей.

– Ты что, обижен на меня? – спрашивает Датико и треплет меня за волосы.

– Очень мне нужно обижаться... на тебя! – отвечаю я и собираюсь уходить.

– погоди, побудь с нами!

Я остаюсь.

– Ну вот, я иду на войну!

– Все идут!

– Так ты присмотри за тетей! Ты уже мужчина!

– Обойдусь без твоих советов!

– Знаешь ведь, как я люблю твою тетю!

– Я сам ее люблю больше тебя!

– Я скоро вернусь, Сосойя, и потом мы будем всегда вместе!

– Все вернутся, и все будем вместе!

– Нет, Сосойя, вернутся далеко не нес!

– А вот увидим!

Во двор входит новая группа молодежи. Окружив тесным кольцом красивую, с огненно-рыжими волосами девушку, ребята громко поют:

На войну мой милый едет,
Я за ним последую,
Вместе мы домой вернемся,—
Ждите нас с победою!

После полудня на балкон клуба вышел военком района и произнес двухчасовую речь. Запутавшись в причинах и последствиях первой мировой войны, он с ходу переключился на анализ фактов, обусловивших начало второй. Он сровнял с землей фашистскую Германию. Крепко досталось также Италии и Японии. Военком так убедительно рассказывал об успехах наших войск, о сокрушительных ударах нашей авиации, артиллерии и особенно кавалерии, которая, по его словам, вот-вот должна была вступить в Берлин, что готовые к отправке на фронт парни чуть было не разошлись по домам.

Как только военком закончил свою речь, духовой оркестр грянул туш. А потом оркестр вдруг умолк. Музыканты бережно сложили инструменты на траву, по очереди расцеловали старика маэстро и вскочили на грузовики.

Народ хлынул к автомашинам. Раздались возгласы:

– Значит, едешь, Анзор?

– Не ленись писать письма!

– Смотри, сынок, будь осторожен!

– Побереги себя, не губи старика, дорогой!

– Лезь скорей в машину, Амиран, а то кончится без тебя война!

– Заводи же, черт тебя возьми, нет больше моих сил!

И вдруг словно померкло солнце, словно наступила ночь, словно в мире что-то изменилось... Десять грузовых автомашин увозили в неведомое часть нашей крови и плоти – цену той огромной любви, которой мы, люди, любили родную землю.

И теперь мы, матери, жены, отцы, сестры, дети, принесшие эту жертву, толпились у грузовиков, и лишь старик маэстро стоял одиноко, закрыв лицо руками, среди лежавших на зеленой траве инструментов, и плечи у него дрожали.

Машины двинулись.

В тот день впервые увидел я столько испуганных людей со слезами на глазах, впервые увидел плачущую тетю.

День этот похож на морской отлив, после которого на берегу остаются рыбы, раковины и щепки...

Я лежу с раскрытыми глазами в темной комнате и шепчу;

– Тетя!

– Да?

– Спишь?

– Нет.

– Уехал Датико...

– Все уехали!

– Поедут еще?

– Многие поедут.

– А если Датико не вернется?..

– Спи!

– Что, если он не вернется?

– Многие не вернутся...

– А занятия в школе будут?

– Будут...

– А свадьба Жорика завтра будет?

– Будет, все будет!

– Тётя!

– Отстань, Сосойя!

Я засыпаю. На этот раз я не вижу снов...

ХАТИЯ

Начало войны прежде всего сказалось на делах нашего магазина. С прилавка исчезли сперва сахар, спички, затем – одно за другим – масло, мыло, соль, керосин, хлеб. Наконец исчез сам продавец Ласа.

Потом стали зарастать травой кукурузные поля... Перестал вертеться один из трех мельничных жерновов... Кончились дрова, и тетя Матрена попросила меня срубить у нее во дворе Дерево с вьющейся на нем «Одессой». Люди забыли про традиционные гулянья и праздники... Опустели лари с мукой, и настал день, когда тетя испекла мчади из непросеянной муки... А спустя месяц нас взбудоражили душераздирающие причитания женщины, и на селе

появилась первая вдова в трауре. По утрам не будил сельчан повелительный крик бригадира Датико:

– Выходи, Андройя!

– Не ленись, Эдемика!

– Сосойя, протри глаза!

– Минадора, окати-ка водой своего бездельника! Теперь каждый день с рассветом на пригорке появлялась бригадир Ксения и, приставив ко рту руки трубой, начинала вопить на все село:

– Матрена-а-а, хватит спать!

– Машико-о-о, выходи на чай!

– Маргарита-а-а, ступай на ферму!

– Сосойя-а-а, чтоб ты оглох, паршивец!

– Гера-а-а-сим, у-у-у-у!

На работу звали всех, и на работу выходили все, кто мог работать... Не звали лишь Хатию – дочь Виссариона Шаликашвили. Но в этом не было нужды: Хатия вставала раньше всех. Уложив венцом на голове золотистые косы, она шла на чайную плантацию, громко здоровалась со всеми, становилась в ряд и начинала осторожно срывать нежные побеги, ощупывая каждый из них своими красивыми тонкими пальцами.

Если мы работали на прополке кукурузы, Хатия, став на колени, руками вырывала траву. Или же садилась на краю делянки и молча всматривалась куда-то вдаль, в беспокойную синеву неба. И улыбалась огромными голубыми глазами.

Хатия улыбалась всем и всему. Она без слов понимала всех. Она радовалась чужим радостям и переживала чужое горе. Она была удивительно умна и на редкость сообразительна, знала все, что происходило на селе, и умела давать людям советы, всегда добрые, правильные и удачные. И потому все любили Хатию.

Хатия была моей ровесницей. Мы вместе ходили в школу, сидели рядом на задней парте, повторяли хитроумные уравнения, выводимые учителем мелом на доске. Хатия никогда ничего не записывала. Она все запоминала наизусть и считалась лучшей ученицей в нашем шестом классе, лучшей и самой красивой. Хатия никогда не смотрела людям в лицо – взор ее был устремлён в пространство.

Она была от рождения слепой.

Было раннее утро. Я еще нежился в постели, тетя пришивала пуговицу к моей блузке.

На балконе слышались шаги. И тут же раздался робкий голос:

– Тетя Кето!

Мы, конечно, сразу же узнали Хатию.

– Входи! – крикнула тетя.

– Доброе утро! – сказала Хатия и стала в дверях.

– Здравствуй, моя девочка! – ответила тетя. – Ты что так рано?

Проснулась с первыми петухами, что ли?

– А я и не спала вовсе, тетя Кето...

– Почему же?

– Сосойя здесь?

– Здесь я, чего тебе? Я спать хочу!

– Пусть он встанет и выйдет, тетя Кето!

Тетя удивленно взглянула на меня, потом сказала:

– Вставай, Сосо!

– О-о-о-о, – протянул я недовольно, – самой не спится, так и другим не дает спать... Отвернись!

Хатия улыбнулась и отвернулась.

Я встал, надел штаны, вышел, громко хлопнув дверью, на балкон, так же громко стуча ногами, сделал несколько шагов, потом на цыпочках вернулся к двери и приник к ней ухом.

– Отойди от дверей, Сосойя, я слышу твое дыхание! – крикнула Хатия.

Мне ничего не оставалось, как спуститься во двор.

Спустя несколько минут я вернулся в комнату.

Бледная, как полотно, тетя сидела у стола, приложив к вискам ладони и тупо глядя на лежавшую у нее на коленях мою блузку. За тетей, обняв ее за плечи, стояла Хатия.

– Да ты понимаешь, что говоришь? – прошептала тетя, не поднимая головы.

Хатия не ответила.

– Может, ты ошиблась, девочка?

– Нет, тетя Кето, что-что, а голоса наших людей я узнаю точно...

– Нельзя верить в такое, Хатия! – воскликнула тетя.

Выйдя с мельницы и поднявшись на горку, я остановилась передохнуть... Слышались шаги, и он спросил: «Кто здесь?» – «Это я, Хатия!» – ответила я. «Что ты шатаешься по ночам!» – проворчал он.

Хатия умолкла.

– А потом? – спросила с нетерпением тетя.

Я ответила, что для меня ночь и день – все одно, и назвала его по имени. «Что за чепуху ты порешь, – прикрикнул он, – я Тараси, Тараси Антидзе!»

– А может, это и вправду был Тараси? – в голосе тети прозвучала мольба.

– Прежде чем прийти к вам, я была у него... – тихо ответила Хатия.

– И что же?

– Болен Тараси... Третий день лежит в постели...

– Может, тебе все померещилось, Хатия?

– Нет, тетя Кето, не померещилось. Он придет к вам, и вы убедитесь сами...

Хатия направилась к двери. Я опередил ее и открыл дверь. Она осторожно вышла на балкон, спустилась во двор и ушла...

С тех пор тетя, казалось, потеряла дар речи. С утра до ночи ходила она понурив голову, словно разыскивая что-то дорогое, и молчала. Она не слышала меня, пока я не дотрагивался до нее. Собирая чай, вдруг застывала с протянутой к кусту рукой. Работая в поле, вместо травы начинала начисто срезать кукурузные стебли, пока я не выводил ее из оцепенения. По ночам она лежала с раскрытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху, вскакивая при каждом собачьем лае. Она ждала кого-то, а он все не шел. Тетя похудела, осунулась, таяла на глазах. Наконец я не выдержал и пошел к Хатии.

Виссарион Шаликашвили, взобравшись на огромное бревно, топором вытесывал давальню *. Хатия сидела на балконе и с улыбкой смотрела на солнце.

– Здравствуйте, дядя Виссарион!

– Здравствуй, сынок! – ответил Виссарион, не прерывая работы.

– Сосо, это ты? – спросила Хатия.

– Я.

– Где сейчас солнце, Сосо?

– Где ему быть? На небе.

– А в каком месте?

– Гм... над черешней!

– Если над черешней, то я вижу солнце!

– Точно, над черешней!
– Папа, – обратилась Хатия к отцу, – что тебе сказал врач в Батуми?
– Сколько раз тебе повторять?
– Повтори еще раз. Пусть услышит Сосо!
– Врач сказал, что, если незрячий человек видит солнце, ему можно возвратить зрение.
– Слышишь, Сосойя?
– Слышу, Хатия... Спустишь-ка на минуту, есть дело. Хатия спустилась во двор, подошла ко мне и остановилась.
– Я знаю, зачем ты пришел, Сосойя!
– Что ты сказала тете такое, что женщина потеряла покой?
Хатия не ответила. Она отстранила меня, направилась к калитке, открыла ее, вышла на дорогу и медленно зашагала к нашему дому. Я последовал за ней.
Хатия остановилась во дворе и спросила:
– Где тетя Кето?
– Тетя! – позвал я. Тетя вышла на балкон.
– К тебе пришла Хатия.
Тетя вздрогнула. Она быстро сбежала по ступенькам лестницы и подошла к нам.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.